

Р.М. Ханинова (Элиста)

ДИХОТОМИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В АНИМАЛИСТИЧЕСКОЙ КАЛМЫЦКОЙ БАЛЛАДЕ*

Аннотация. В статье рассматривается дихотомия «свой» – «чужой» в анималистической балладе калмыцких поэтов XX в. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью баллады калмыцких поэтов на тему литературного бестиария. Целью статьи является исследование поэтики калмыцкой литературной баллады на тему взаимоотношений человека и животных в аспекте позиции, оппозиции и диспозиции. В балладах Тимофея Бембеева «Живрнь тээрхэ тоһрун» («Баллада о подрезанных крыльях»), Владимира Нурова «Баргин туск баллад» («Баллада о псе Балтыке»), Михаила Хонинова «Эм залһсн шовум дуулна» («О птице, раненной в бою») 1960–1970-х гг. дихотомия «свой» – «чужой» манифестирует мир природы и мир человека как в конфликте друг против друга, так и в союзе. Если в героико-патриотических и политических балладах калмыцких авторов главные персонажи обычно обозначены конкретными именами, то в анималистических балладах люди обезличены: безымянный рассказчик актуализирует то или иное происшествие, акцентируя морально-нравственные ценности; персонажи-животные, как правило, не персонализированы, за исключением пса по имени Балтык в балладе В. Нурова. Историко-литературный и сравнительно-сопоставительный методы позволяют выявить авторские интенции в изображении людей и животных, диких и домашних, в конфликтных ситуациях войны и мира, свободы и неволи, добра и зла, преданности и вражды, силы и слабости. Поэтика калмыцкой баллады подчеркивает жанровую природу произведения, выраженную либо в названии, либо в подзаголовке оригинального текста или русского перевода. Экологическая тема в сюжетах транслируется авторами как любовь к родному краю, защита и сбережение мира животных. Национальное мировидение калмыцких поэтов проецирует картину степной фауны в ракурсе народной культуры, обычаев и верований. Сохраняя традиции национальной версификации, поэты структурируют тексты по-разному: без деления на строфику (Т. Бембеев), с делением на катрены (В. Нуров, М. Хонинов). Зоопоэтика анималистической баллады трех поэтов ближе к рассказу в стихах.

Ключевые слова: дихотомия; свой; чужой; бестиарий; калмыцкая анималистическая баллада; калмыцкая поэзия; зоопоэтика; перевод.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

R.M. Khaninova (Elista)

The Dichotomy between the Notions “Self” and “Other” in the Animalistic Kalmyk Ballads**

Abstract. The article examines the dichotomy “ours” and “aliens” in the animalistic ballad of the Kalmyk poets of the 20th century. The relevance of the study is determined by the insufficient study of the ballad of Kalmyk poets on the theme of the literary bestiary. The article deals with the dichotomy between the notions “self” and “other” within the animal world of the ballad of the Kalmyk poets of the 20th century. The relevance of the study is determined by the unexplored ballads of the Kalmyk poets on the theme of nature, with the heroes-representatives of the animal world of the steppe region. The purpose of the article is to explore the poetics of the Kalmyk literary ballad concerning the relationship between man and animals in the aspect of position, opposition and disposition. In the ballads by Timothy Bembeev “Живрнь тээрхэ тоһрун” (“The Ballad of the Clipped Wings”), Vladimir Nurov’s “Bargin tusk ballad” (“The Ballad of the Dog Baltyk”), Mikhail Khoninov’s “Эм залһсн шовум дуулна” (“About the Bird Wounded in a Combat”) of the 1960s–1970s. The “self” vs. “other” dichotomy manifests the natural world and the human world both in conflict against each other and in alliance with each other. Whereas in heroic-patriotic and political ballads of Kalmyk authors the protagonists are usually designated by specific names, in the animalistic ballads about the animal world people are depersonalized: the nameless narrator actualizes this or that incident, emphasizing moral values; animal characters, as a rule, are not personalized, with the exception of a dog named Baltyk in V. Nurov’s ballad. The application of historical-literary and comparative-comparative methods allows us to identify the authors’ intentions in the depiction of people and animals, wild and domestic, in conflicting situations of war and peace, freedom and bondage, good and evil, loyalty and enmity, strength and weakness. The poetics of the Kalmyk ballad emphasize the genre nature of the work, expressed either in the title or in the subtitle of the original text or its Russian translation. The ecological theme in the stories is translated by the authors as love for their native land, protection and preservation of the animal world. The national worldview of the Kalmyk poets projects a picture of the steppe fauna from the perspective of folk culture, customs and beliefs. Preserving the traditions of national versification, poets structure texts in different ways: with no division into stanzas (T. Bembeev), with division into quatrains (V. Nurov, M. Khoninov). The zoopoetics of the animalistic ballad of the three poets is closer to a story in verse.

Key words: dichotomy; own; alien; bestiary; Kalmyk animal ballad; Kalmyk poetry; zoopoetics; translation.

В жанровой системе калмыцкой поэзии XX в. баллада, возникшая в конце 1930-х гг., не заняла ведущего места, а в современном литератур-

** The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist – project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’.

ном процессе и вовсе не привлекает внимания авторов. Немногие баллады Гари Даваева, Басанга Дорджиева, Лиджи Инджиева, Морхаджи Нармаева, Михаила Хонинова, Егора Буджалова характеризуются героико-патриотической и политической направленностью, связанной с революцией, гражданской войной и Великой Отечественной войной [Ханинова 2019 а; Ханинова 2019 б, Ханинова 2019 с], политической борьбой коммунистов зарубежных стран [Ханинова 2020 б]. Автобиографизм, документальная основа обусловили в таких произведениях появление исторических персонажей, современников авторов, участников описываемых событий в сюжетах и мотивах. К спортивной балладе следует отнести у Д. Кугультинова «Балладу чистой совести» [Ханинова 2019 с]. Сюжеты баллад Д. Кугультинова «Зүүдн» («Сон»), С. Байдыева «Башмгудын туск баллад» («Баллада о башмаках») ближе к классической европейской балладе с характерными для нее мотивами сновидения, воскрешения, двоemiрия, тайны, оживления вещей [Магомедова 2008, Ханинова 2019 с, Ханинова 2020 а, Ханинова 2014]. Ориентация на русские источники XX в. определила своеобразие калмыцкой литературной баллады с сохранением традиции национального стихосложения. Необходимо отметить, что жанровая принадлежность произведения к балладе атрибутировалась авторами по-разному: в названии и / или в подзаголовке. Нередко русские переводчики сами обозначали указанный жанр в ЗФК (заголовочно-финальный комплекс) несмотря на то, что автор не относил свой текст к этому жанру, например, Д. Кугультинов [Ханинова 2019 с]. Есть случаи неправильного определения произведения как баллады самим автором, например, Ц. Леджиновым («Бальчгин туск баллад» = «Баллада о грязи») [Ханинова 2020 а] или переводчиком, например, у Д. Кугультинова («Баллада диких тюльпанов») [Ханинова 2019 с].

Реже представлены и фактически не изучены баллады калмыцких поэтов на тему природы, с персонажами – представителями животного мира степного края. Это баллады Тимофея Бембеева «Живрнь тээрнхэ тоһрун» («Журавль с подрезанными крыльями», 1966; в переводе Д. Долинского «О подрезанных крыльях»), Владимира Нурова «Баргин туск баллад» («Баллада о сторожевом псе», 1974, в переводе Ю. Нейман «Баллада о псе Балтыке»), Михаила Хонинова «Эм залһсн шовум дуулна» («Моя возродившаяся птица поет», 1975, в переводе А. Николаева «О птице, раненной в бою»).

В традиционной картине мира представление о мире животных передает отношение к нему калмыков на основе народных верований, обычаев и обрядов как к общей модели мироздания, в которой человек и животные, являясь равнозначными элементами вселенной, сосуществуют и взаимодействуют на протяжении тысячелетий. Прежде всего это нашло отражение в калмыцком устном народном творчестве – в эпосе, мифах, легендах, преданиях, сказках, песнях, малых афористических жанрах (пословицы, поговорки, загадки) [Мифы, легенды и предания калмыков 2017]. По словам Г.Ц. Пюрбеева, «эпическая фауна удивительно богата. Она представ-

лена тремя группами: это домашние и дикие животные (около 40 названий), звери и птицы (свыше 20 названий). Прежде всего выделяются четыре традиционных видов скота (*дөрвн зүсн мал*): лошади, крупный рогатый скот, верблюды и бараны. <...> Наряду с домашними животными в эпосе называется немало диких, на которых велась индивидуальная и облавная охота: *буһ* ‘изюбрь, олень-самец’, *марл* ‘марал, олениха’, *тек* ‘горный козел’, *зур* ‘дикая коза’, *күдр* ‘кабарга’, *хулан* ‘кулан’, *тэк* ‘дикая лошадь’, *гөрэсн* ‘антилопа’, *бодң* ‘кабан, вепрь’, *шовиур* ‘трехлетний матерый кабан’. В эпосе упоминается и экзотическое животное – слон (зан). Среди зверей фигурируют: “три могучих” – лев (*арслң*), медведь (*өтг*) и барс, а также волк (*чон*), лиса (*үнгн, арат*), заяц (*туула*), барсук (*зорх*), тушканчик (*ялмн*). <...> В эпосе встречается немало названий птиц – обитателей лесов, гор, степей и водоемов: *бүргд* ‘бергут’, *итлг* ‘балабан’, *элэ* ‘коршун’, *тас* ‘орел-ягнятник’, *начн* ‘сокол’, *шоңхр* ‘кречет’, *хун* ‘лебедь’, *тоһстн* ‘павлин’, *торһа* ‘жаворонок’, *нуһсн* ‘утка’, *богиурһа* ‘воробей’, *харада* ‘ласточка’, *керэ* ‘ворон’, *ууль шовун* ‘сова, филин’, *дегдәмл* ‘птенец’, *һәрд* 1. орел; 2. мифическая птица Гаруда» [Пюрбеев 2015, 43–44]. Из царства животных, зверей и птиц, в той или иной мере упоминаемых в эпическом тексте, исследователь выделил те, которые издревле почитались как родовые тотемы монгольских племен XII–XIII вв., например: волк (чон), бык (бух), ворон (керэ), овца (хөн) [Пюрбеев 2015, 47].

«В калмыцких сказках о животных, – как указывает Т.Г. Басангова, – представлены следующие представители фауны: слон, лев, барс, волк, лисица, заяц, суслик, мышь, верблюд, медведь, марал. Небольшой пласт представляют сказки, где героями являются насекомые и земноводные – муравей, комар, вошь, паук, лягушка; птицы – петух, воробей, ястреб, баклан, экзотическая птица – павлин; домашние животные – козлик, бычок, баран» [Басангова 2019, 6]. Некоторые животные, звери и птицы в калмыцком эпосе и сказках являются помощниками героя, спасают ему жизнь, умеют говорить.

Среди персонажей баллады Т. Бембеева, В. Нурова, М. Хонинова есть домашние и дикие животные и птицы. Журавль – один из частотных символов степи в калмыцкой поэзии. Главный герой баллады Т. Бембеева «Живрнь тээрнхэ тоһрун» («Журавль с подрезанными крыльями», 1966) – журавль, которому какой-то человек подрезал крылья и разлучил таким образом с родиной. В заглавии произведения поэт сразу обозначил птицу и ее причину ее несчастья – подрезанные крылья, в подзаголовке – жанр баллады (по-русски *баллада*). Даниил Долинский в своем переводе дал усеченное название «О подрезанных крыльях», сохранив подзаголовок, а в тексте – обозначение представителя семейства журавлиных. По-калмыцки журавль – *тоһрун*, журавль-красавка – *тоһрун-сәәхлә* [Манджикова 2007, 71]; серый журавль – *өлн маңхан тоһрун* [Калмыцко-русский словарь (далее КРС) 1977, 343]. У Бембеева речь идет именно о сером журавле. Оригинальный текст разделен на две части, перевод же структурирован катренами. В первой части представлена история о том,

как каждую весну журавль торопился в калмыцкую землю, минуя моря и океаны, находя отдых и удовлетворение в родных краях. Теперь же, сообщает рассказчик, для птицы, увы, эта земля недоступна: «Ода болхла, чавас, / Одх назр маду» [Бембин Т. 1966, 3]. Драма заключается в том, что прошлой осенью какой-то человек, поймав журавля, подрезал его прекрасные крылья: «Намрар нисж ирхлэнь / Нег өздн бэрсн, / Эрдн сээхн живринь / Эгцлэд...» [Бембин Т. 1966, 3]. Поэтому, лишившись своих крыльев, несчастный уподобился птенцу, проливал горячие слезы, желал бы, как ласточки и утки, отправиться вместе с ними, но вынужден горевать все лето. И только подобная картине степь снится ему во сне, заставляя страдать: «Эгцлэд орксн / Делдгнь, көөрк, тасрад, / Дегдэмл болж йовһдсн, / Харада, нуһснд жилвтэд, / Халун нульмсан асхсн, / Зунын тес гейүрнэ. / Зовлң икд үрүднэ. / Зург болсн теегнь / Зүүднд орж генүлнэ» [Бембин Т. 1966, 3]. Вторая часть стихотворения начинается с характерного для балладного сюжета наречия «вдруг» («генткн»), когда звукоподражание «курлы-курлы», переданное по-русски, указывает на прилет бесстрашного журавля, добравшегося до степей зимой и не побоявшегося бурана, возможной гибели. Калмыцкое звукоподражание журавлей в сказках дается как «кири-кири, күр-күрү», в том числе в глагольной форме «доңһдх» – петь, кричать; «доңг» означает крик как любой птицы, так и журавля [Басангова 2019, 214; Монраев 2014, 112–115].

Сложив отросшие крылья, журавль приземлился; поэт сравнил его с орлом – царем птиц, оценив его подвиг и любовь к родине: «Хойр живрэн хурана, / Хан-һәрдинэр унна» [Бембин Т. 1966, 3]. Среди ментальных маркеров-символов родины есть фитоним «полынь» (шарлжн), ольфакторный сигнал – запах полыни. Стихотворение завершается пейзажем солнечной калмыцкой степи с полынным запахом («Камб шарлжнь қақкнна. / Көк теегнь мануртна»), манифестируя торжество жизни над смертью, свободы над неволей, любовь к родине. Дихотомия «свой» – «чужой» в оригинальном тексте представлена оппозициями: жизнь – смерть, свобода – неволя, родина – чужбина, сила – слабость. В то же время антитеза «свой» – «чужой» усложняется тем, что «свой» (земляк) из хулиганства подрезал крылья «своей» птице, таким образом, обратив «свое» в «чужое». Диспозиция правового поля делает хулигана нарушителем закона, с одной стороны, с другой – нарушителем народных обычаев в отношении этой сакральной птицы. Среди тюрко-монгольских народов бытуют традиции, среди которых запрет убивать журавля, разорять гнездо, уничтожать его яйца или птенцов, поскольку журавлиное проклятие достигнет своего губителя. Сравним «Тоһруна туск баллад» («Баллада о журавлях», 1944) Б. Дорджиева, в которой журавлиная стая отомстила фашистскому летчику за смерть журавля, атаковав вражеский самолет [Ханинова 2019 а]. Калмыцкая народная песня «Хар келн тоһрун» («Журавль с черным языком») рассматривается как песня-проклятие тому, кто уничтожил птенцов журавля [Басангова 2019, 213]. Вспомним балканскую традицию, где журавль тоже почитается как «святая» птица (у хорватов), убийство его воспринимается

как грех (у македонцев) и влечет тяжелое наказание (у герцеговинцев): к примеру, журавль поджигает дом обидчика (у румын) [Тура 1997, 666]. По словам современного исследователя, согласно народной примете калмыков, прилет журавлей несет только хорошие новости. В калмыцком фольклоре, в частности в сказках, образ журавля часто наделялся такими чертами, как ум, благородство, рассудительность [Басангова 2019, 215].

У Долинского в переводе баллады сюжет однолинеен и выпрямлен. История о журавле, которому «подрезал крылья кто-то», «чтоб он забыл и родину, и небо», теперь «ушли сородичи в зенит. / А он, под ними уменьшаясь, тая, / Бескрыло, как цыпленок семенит, / И долгим взглядом провожает стаю...» [Бембеев 1974, 15]. Если в оригинале автор дает эмоциональную оценку происшествию, называя человека «хулиганом» («өздн»), жалеет журавля-инвалида: междометие «чавас», выражающее жалость, сочувствие, сожаление, отчаяние, прилагательные «көөрк» (бедный), «хээмнь» (несчастный, жалкий), а затем сравнивает вернувшегося на родину журавля с орлом, то в переводе эти эмоциональные определения отсутствуют, как и звукоподражание птице. Нет в переводе и семантического маркера-сигнала родной калмыцкой степи – упоминания полыни с ее пряным запахом. Кольцевой композицией о родине, которая у каждого одна, актуализирована тема баллады.

Баллада Владимира Нурова «Баргин туск баллад» («Баллада о сторожевом псе», 1974) в отличие от баллады Т. Бембеева своим названием прямо определяет жанровый диапазон. В русском переводе Юлии Нейман из нейтрального обозначения породы собаки (сторожевой пес) в заглавии указана собачья кличка – «Баллада о псе Балтыке». По-калмыцки «барг» – сторожевой пес, дворняжка [КРС 1977, 81–82]. Калмыцкая поговорка гласит: «барг чигн биш, шург чигн биш = ни рыба ни мясо (букв. ни овчарка, ни гончая)» [КРС 1977, 82]. Собаки имели клички (например, Хаср, Баср), поскольку защищали кочевника и его скот от хищных зверей, жили рядом с человеком, были преданными соседями.

Кличка собаки Балтык (калм. Балтг) отсылает, вероятно, к слову «балт» – боевой топор, секира [КРС 1977, 80]. Так, в тексте йорела-благопожелания есть черная собака Хар Балтг («Черная секира») с белым пятном, для которой также испрашивается счастье; по всей видимости Балтг – это табуированное название собаки [Басангова 2019, 67] с характеристикой ее острых зубов. Мифы, поверья и ритуалы, связанные с собакой, определили у калмыков ее почитание, т.к., например, благодаря собаке люди используют муку. Среди хороших примет – кормление собаки равносильно кормлению душ умерших предков; прибудилась ко двору собака – семью ждет процветание. К плохим приметам относился вой собаки как предвестия несчастья, в этом случае ее убивали.

По сравнению с балладой Т. Бембеева, написанной от лица безымянного рассказчика, нуровская баллада построена с имитацией диалоговой формы, особенно заметной в русском переводе, организованном в виде прямой речи человека и собаки. Оригинальный текст начинается с имен-

ного обращения лирического субъекта к собаке с приветствием, в котором Балтык назван собачьим князем, с призывом пообщаться: «Нохасин нойн, Балтг, менд, / Ноолдл уга тагчг бэнч!» [Нуура В. 1974, 8]. В нашем смысловом переводе: «Собачий князь, Балтык, здравствуй, без драки молча пребываешь!». Собеседник напоминает Балтыку, как в детстве, сопровождая деда, загонявшего вечером отару овец в кошару, его будто старшего брата встречал озорной сторожевой пес. Как суровой зимой, когда продувал насквозь резкий ветер, как летом, когда пересыхала в пасти слюна, тот одерживал победы в схватке за хозяйскую собственность, гонялся за волками. Как Балтык, невзирая на количество волков, не жалея своей шкуры, боролся с хищниками. Но страшнее четвероногих врагов были двуногие воры (люди), которым тоже дали отпор сторожевые псы, подобные тиграм, в том числе и Балтык. Прием воспоминания сближает хронотоп прошлого и настоящего, возвращения в детство, выражает благодарность лирического субъекта любимому псу. «Көгшн баргин толһа теврэд, / Көлинь атхад мендинь меднэв. / Норсн нүдинь тагчгар арчад, / Ноосинь эцкин сахлшн илнэв» [Нуура В. 1974, 11]. Смысловый перевод: «Обняв голову старого сторожевого пса, пожав ему лапу, понял, что тот тоже поздоровался. Вытерев молча свои мокрые глаза, глажу собачью шерсть, словно отцовскую бороду».

В оригинале баллады Нурова дихотомия «свой» – «чужой» так же, как и в Бембеевской балладе, являет позицию ближнего круга (дед, внук, отец, домашний скот – овцы, лошади, а также сторожевые псы), оппозицию «свой» – «чужой» в мире животных (домашний скот – волки), диспозицию в правовом плане (люди-воры и хозяева). Волки в нуровской балладе показаны хищной стаей. В калмыцком фольклоре образ волка амбивалентен: положительная характеристика определена почитанием его как тотема для некоторых калмыцких родов: «В быту калмыков считалось, что шкура животного, его зубы, мясо обладали магическими излечивающими свойствами. Мясом кормили больных легочными заболеваниями, полагаясь на его целебные свойства, в шкуру животного заворачивали новорожденных детей, в особенности родившихся ослабленными, в оберегающих целях, детям даровали волчий клык как средство от слеза» [Басангова 1997, 96]. У славянских народов также разнообразно использование волка в магических целях, когда части тела и имя этого зверя использовались для приобретения отпугивающих свойств, агрессивности жизненной силы и здоровья, имело отвращающую, потенцирующую и лечебную функцию [Гура 1997, 153]. Славянской традиции присуще амбивалентное отношение к волку, есть хорошие и неблагоприятные приметы. Определяющим же в символике волка является признак «чужой» [Гура 1997, 157].

Используя прием олицетворения, Ю. Нейман в своем переводе акцентирует признаки нуровской баллады, создав диалог человека и собаки, в котором основная часть принадлежит рассказу Балтыка о том, как он защищал отару от зверей-хищников и от людей-воров, как в этой схватке гибли сторожевые псы, друзья и подруги. Заканчивая диалог, переводчица

актуализирует героизм одних (собаки и дед) и предательство других (люди-воры): «– Балтык, да ты и впрямь – герой! / Ты деду был под парю. / И за людей стоял горой...» [Нуров 1981, 95]. В то же время в русском переводе героический пафос снижается введением мотива старости и покоя, которого нет в оригинале. «Чего ж скулишь ты, старый?.. // Припомнил прежние дела / И хочешь стать моложе? / Да, старость, друг мой, тяжела / И псам, и людям – тоже... // Балтык, ты заслужил покой, / Треплю седую спину... / Я глажу шерсть его рукой, / Как дедовы седины» [Нуров 1981, 95]. Как в переводе Долинского, так и в переводе Нейман эмоциональная авторская интенция в той или иной степени микшируется: взаимное приветствие пса, мокрые глаза человека, рассказчик, обнимающий собачью голову, замена сравнения (вместо отцовской бороды дедовы седины). В обеих балладах на первый план выходят не люди (безымянные рассказчики), а птица (журавль) и сторожевой пес, овчарка. При этом в первой балладе мир человека явлен как враждебный для журавля с подрезанными крыльями, во второй же мир людей и мир животных, домашних и диких, дан в бинарной парадигме «свой» и «чужой», где свой может стать и чужим, а чужой – своим. Сравним небольшое стихотворение В. Нурова «Баргин үкл» («Смерть сторожевой собаки», 1992), в котором собрат Барлыка из ранней баллады гибнет в бою с волками [Нуура В. 1981, 25]. В двух произведениях поэтов, как обычно в классической балладе, нет конкретного хронотопа, кроме упоминания, что действие происходит в калмыцкой степи, позиционируемой как родина. При этом объем оригинального текста и перевода варьируется: у Бембеева около 70 строк против 24, у Нурова 20 катренов против 26.

Стихотворение «Эм залһсн шовум дуулна» («Моя возрожденная птица поет», 1975) Михаилом Хониновым прямо не отнесено к балладе, как это происходит во многих других его текстах.

Подзаголовок «степная баллада» дан переводчиком Александром Николаевым, подчеркнутым в названии произведения – «О птице, раненной в бою» – автобиографические мотивы из жизни калмыцкого поэта, партизанского командира в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Тема войны и мира повлияла на стиль русского перевода, в который введены военные термины и сравнения, отсутствовавшие в оригинальном тексте: солдат, рукопашная, таран, названия самолетов «ястребок» («ЯК») и «мессершмитт», сражавшиеся птицы – асы, территория воздушного боя – трассы, в то же время использованы и авторские детали: оружие – лук, стрелы, штык. Сравним с другим произведением М. Хонинова в переводе Олега Шестинского «Стенная баллада» (1972), с мотивами противоборства двух верблюжьих вожakov и предательства стада одним из них [Хонинов 1972].

Если в балладе Т. Бембеева уже в заглавии птица поименована (журавль), то в балладе М. Хонинова у обеих птиц нет никакой соотнесенности с каким-либо семейством: они выделены цветом – черная и желтая, в переводе А. Николаева показана иная дихотомия: черная и белая. Обе

птицы в этой балладе, видимо, небольшого размера, одна из них (черная) – певчая. Для поэта, вероятно, не столь важны были орнитологические характеристики принадлежности своих персонажей к определенному виду. Как и в балладах двух калмыцких поэтов, в хониновской балладе пространственно-временные характеристики, не имея конкретной привязки к определенному локусу и топосу Калмыкии, тем не менее фокусируют действие в калмыцкой степи, подчеркивая, с одной стороны, тему родного края и фауны, с другой – тему других стран и регионов. Современный ракурс изображенных событий явлен технической деталью – лирический субъект (повествование ведется от первого лица), покинув кошару, едет в полдень степной дорогой на машине и становится свидетелем воздушного поединка двух птиц. Сравним в русском переводе: «Я шел дорогою степной. / Мне нужно было торопиться» [Хонинов 1977, 100]. Здесь так же, как и в балладах Бембеева и Нурова, прошлое и настоящее предстает в сопоставлении жизни героев, но уже в условиях прошедшей Великой Отечественной войны и мирного периода; эта разница обусловлена тем, что первые авторы по возрасту не были участниками той войны. Безымянный рассказчик вынужден остановить машину, наблюдая за боем и слыша крики птиц, летящих, словно стрелы из лука, в небе над его головой. Прием контраста показан в противопоставлении синего неба, солнечного дня, легкого ветерка смертельному поединку птиц. Желтая птица победила и покинула место боя, оставив поверженного противника на земле. Черная птица с раненым крылом, истекая кровью, пыталась взлететь, царапала землю когтями, но не смогла подняться. Свидетель схватки поднял птицу, которая как бы просила у человека одно крыло. Но тот бесилен исполнить ее просьбу, пытается напоить своей слюной, когда она просит: «Пи-и-ть!» [Хонинов 1977, 102]. Этот эпизод напомнил ему прошлое, когда на берегу Березины (белорусский гидроним) он тоже был ранен, и тогда благодаря заботе белорусской матери снова встал на ноги: «Березино голын көвэднь / би иигж шавтлав. / Белорус экин хэлэвртнь / батрж назр ишклэв» [Хоньна М. 1976, 25–26]. Это отсылка к реальному факту: спасение во время войны раненого младшего лейтенанта белорусской крестьянки Прасковьи Андреевны Вилиткевич. Сравним в русском переводе: «Вот и меня могли убить, / И я был опален войною. <...> Когда-то на Березине / И мне враги крыло подбили. / И белорусы на руках / Несли в свою родную хату <...> Был ярким солнцем залит плес, / Они неси меня под солнцем, / Как я потом ту птицу нес, / Что под моим поет оконцем» [Хонинов 1977, 103, 104]. Психологический параллелизм дан сопоставлением двух миров – люди и птицы – в позиции и оппозиции «свой» – «чужой»: враги – друзья, победитель – побежденный, сильный – слабый, раненый – здоровый, война – мир, зло – добро, тогда – сейчас. При этом «чужое» становится «своим»: калмыцкий поэт называл Беларусь своей второй родиной. Птица выжила, обзавелась потомством и прилетела к спасителю со своим семейством. Тем самым вознаграждением за добро становится возрождение птичьего семейства. Рассказчик благословляет птицу в до-

рогу калмыцким благопожеланием: «Ардаснь хаалһинь йөрәһэд / алтн йөрәл тальвув» [Хоньна М. 1976, 26]. Здесь автор использует народный обычай – пожелание счастливого пути, хотя прямо не вербализирует само благопожелание – «алтн йөрәл» (калм. золотое благопожелание; эпитет, характеризующий ценностный смысл речи).

Как и Нейман, так и Николаев домысливают авторский текст, в этом случае вводя мотив страха: на войне у рассказчика, в мирное время у птицы: «Да, жизнь нам дарит чудеса! / И я сказал любимой птахе: / – Вновь обрела ты небеса / И навсегда забудь о страхе. // Я тоже победил свой страх, / Изведал счастье соучастья / В еще невиданных боях / За человеческое счастье» [Хонинов 1977, 103, 104]. Сравним в оригинале: «Өмтэ юмнд цуһараднь / амрг, иньг кергтэ. / Өэх, муурх заамд / эклэ эдл күчтэ...» [Хоньна М. 1976, 26]. Смысловой перевод: «Всему живому на свете нужен друг. Во время долгого пути со страхами и преградами у друга есть сила, равная материнской силе», т.е. речь идет о философской доминанте жизненного существования, основанного на дружбе и помощи.

Вероятно, введением мотива страха – человека и птицы – переводчик, тоже участник Великой Отечественной войны, хотел придать эпизодам больший психологический импульс в дихотомии «героизм» – «страх». Сближая временные пласты прошлого и настоящего, мир людей и мир природы, Николаев завершает произведение сентенцией: «Мне даже кажется подчас, / Они меня спасли когда-то, / Чтобы и я кого-то спас / Как за добро добром в уплату» [Хонинов 1977, 104]. У автора же нет такого дидактизма. Он рисует в конце баллады мирную картину счастья и радости людей и птиц: «Үүд секэд һархлам / үргэд шовуд нисв. / Эдгсн теңгрин шовум / Эм деерм суув. // Үрдэн шовун дахулад / үүрэн хашадм ясна. / Өрүн дууһан доһдулад / эдн нанд дуулна» [Хоньна М. 1976, 27]. В смысловом переводе: «Когда, открыв дверь, вышел, то вспугнул прилетевших птиц. Вылеченная моя птица села мне на плечо. Вместе с птенцами она вьет теперь гнездо в моем дворе. Каждое утро они звонко поют мне песни». У автора мотив птичьей песни постулирует тему искусства, красоты, гармонии в мире людей и мире природы через оппозицию: воинственные крики сражающихся птиц и мирное пение.

Здесь тоже на 25 катренов оригинального текста приходится 30 неравномерных строк переводного варианта. В отличие от автора переводчик внес свои символические коррективы: в схватке побежденной оказалась белая птица, а не черная, которая затем сравнивается в этом контексте с фениксом: «как сказочный ее собрат, / Восставший некогда из пекла» [Хонинов 1977, 103]. Мотив чуда, характерный для классической баллады, осмыслен переводчиком как мотив добра, дружбы, милосердия и сострадания. Сравним у Е. Евтушенко «Балладу о ласточке», где пьяный крановщик спас птичье гнездо на листе шифера.

Таким образом, «постижение мира через ассоциации с животными имманентно общей человеческой культуре, ибо антропоморфизм, анимизм и тотемизм составляют универсальные формы древнего мировоззрения»

[Леонтьева 2020, 176]. Птицы в балладах калмыцких поэтов относятся к верхней пространственной сфере – локус неба, воздух, модус их передвижения – способность летать, в том числе на длительные расстояния. «У птиц выявляется оппозиция чистый (святой, добрый) – нечистый (дьявольский, злой), охватывающая большую часть всех птиц, в основном совпадающая с оппозицией безвредный – хищный» [Гура 1997, 527]. Журавль в бембеевской балладе, неопределенная птица в хониновской балладе относятся к чистым птицам, безвредным, дневным, у Хонинова она также певчая. Возможно, это жаворонок, один из символов калмыцкой степи. В бембеевском сюжете гендерные признаки персонажей не явные, в хониновском – это женский персонаж, мать птичьего семейства, вторая птица не имеет отличительных гендерных примет. Вербальная передача птичьих криков представлена в первой балладе (курлы-курлы), в третьей акустические характеристики переданы более распространенной глагольной лексикой: «петь» (дуулх), «кричать» (доңһх). Календарные приметы, связанные с обеими птицами, – наступление весны. Визуальные образы птиц лишены подробных деталей, в основном переданы с помощью колористической палитры: серый журавль, желтая птица, черная птица, маршрута передвижения: перелет в другие страны на зимовку, способа гнездования. Люди (лирические субъекты и хулиган) в обеих балладах представляют мужское начало.

В балладе Нурова деление на мужских и женских персонажей более конкретное: доминирует мужской род – это люди (дед-чабан, внук, в контексте отец, воры), это собака Барлык, чужой скакун; среди других животных, домашних (собаки, овцы, лошади) и хищных (волки), гендерные признаки не варьируются. Видовые и визуальные характеристики животных персонажей прописаны типично: горящие глаза, текущие слюны, вой волков, курлыкание журавля, пение птицы, храбрость собаки.

Для произведений с персонажами из животного мира характерны обычно те или иные моралистические установки, особенно в сказках, апологах, баснях. По мнению современного исследователя, «мораль не явится чуждым привнесением: она заложена в природе повествования о животных и прощупывается уже на стадии мифа» [Костюхин 1987, 42]. Такие моралистические концовки привнесены в хониновскую балладу переводчиком А. Николаевым, в бембеевскую балладу – Д. Долинским: «Желанная, родимая земля, / У каждого одна она, родная!» [Бембеев 1974, 15], в нуровскую балладу – Ю. Нейман: «Балтык, ты заслужил покой» [Нуров 1981, 95].

Из трех рассмотренных произведений у Бембеева и Нурова балладный жанр заявлен изначально в подзаголовке или в заглавии, у Хонинова жанровая атрибуция уточнена переводчиком. Все три произведения в сюжетном плане являют психологический параллелизм мира людей и мира животных, где дихотомия «свой» – «чужой» имеет амбивалентный характер, а «свой» и «чужой» могут меняться местами, проецируя авторские аксиологические и нравственно-моральные координаты поведения персонажей.

Образные характеристики представителей животного мира соответствуют народному мироощущению в традициях национального фольклора, верований и обычаев, передают культуру, быт кочевников, современников поэтов. Лирические субъекты в балладах по своей позиции сближены с авторской, в хониновской балладе имеется автобиографический вектор. Возрастная дифференция персонажей различна: поскольку временной вектор в балладах Нурова и Хонинова характеризуется прошлым и настоящим, то и лирические субъекты переходят из детства и юности во взрослую фазу, остальные персонажи (дед и отец) относятся к пожилому и среднему возрасту. В бембеевской балладе человек («хулиган») не выделен по возрастному признаку. Собака Балтык в балладе Нурова дана в двух возрастных парадигмах – в зрелости и старости.

Калмыцкие поэты сохраняют в своих текстах традицию калмыцкого стихосложения (анафора разных видов, аллитерация, реди́ф, ослабленная рифмовка), в то же время ориентированы на структурирование произведений разными строфами, в том числе катренами-четверостишиями. В русских переводах трех изученных баллад эта национальная версификация не соблюдается.

Будучи заимствованным жанром, калмыцкая литературная баллада прошлого столетия вбирает в себя опыт русской советской баллады, преимущественно героического, политического типа. Незначительная часть баллад адресована миру животных, обитателей степного края. Зоопэтика [Сид 2013] анималистической баллады трех поэтов ближе к рассказу в стихах, она раскрывает образы животных в конфликтных ситуациях, передает те или иные смыслы стихий и символику птиц и животных выразительными средствами (сравнение, метафора, эпитет, звукоподражание, движение, именование).

Литературный бестиарий в калмыцкой балладе указанных авторов не включает вымышленных, мифологических персонажей животного мира, поскольку фабула базируется на бытовой почве, отражая повседневность героев.

У калмыцких поэтов отсутствуют баллады пародийного плана, любовной тематики, баллады-романсы, модернистской и постмодернистской, сатирической и юмористической направленности. Возможно, периферийное положение литературной баллады в калмыцкой поэзии повлияло на ее историю и в новом веке. В русскоязычной калмыцкой поэзии литературная баллада также малочисленна, но разнообразней по форме и содержанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басангова (Борджанова) Т.Г. Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019.
2. Басангова Т.Г. Журавль в фольклорной традиции калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2. С. 212–217.

3. Бембеев Т. О подрезанных крыльях // Бембеев Т.О. Пульс: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1974. С. 13–15.
4. Бембин Т. Живрнь тээрнхэ тоһрун // Хальмг үнн. 1966. Майин 4. X. 3.
5. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
6. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977.
7. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987.
8. Леонтьева А.Ю. Особенности фелинистической образности Г.В. Иванова: между анималистикой и бестиарием // Инновационные научные исследования: мировой опыт и национальные приоритеты / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и просвещение, 2020. С. 175–191.
9. Магомедова Д.М. Баллада // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 26–27.
10. Манджикова Б.Б. Хальмг орс терминологическ толь (урһмлмудын болн мал-адусна нерэдлһн) = Калмыцко-русский терминологический словарь (флора и фауна). Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2007.
11. Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., коммент., указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т.Г. Басанговой, Т.А. Михалевой; отв. ред. А.А. Бурыкин, Е.Н. Кузьмина, В.В. Куканова, Г.Ц. Пюрбеев; Калмыцкий научный центр РАН. М.: Наука; Восточная литература, 2017. (Свод калмыцкого фольклора).
12. Монраев М.У. О криках и звуках, издаваемых животными и птицами в калмыцком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10. Ч. 2. С. 112–115.
13. Нуров В. Баллада о псе Балтыке // Нуров В.Д. Солнечный колодец: стихи / пер. с калм. Ю. Нейман. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1981. С. 91–95.
14. Нуура В. Баргин туск баллад // Нуура В. Жирһлин үндсн: шүлгүд. Элст, 1974. X. 8–11.
15. Нуура В. Баргин укл // Теегин герл. 1992. № 7. X. 25.
16. Пюрбеев Г.Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык = Жаңһр дуулвр: сойл болн келн. 2-е изд., перераб. Элиста: Джангар, 2015.
17. Сид И. Тотем в современной русской литературе. Зоопоэтика текстов, зоософия сообществ (постановка проблемы) // Бестиарий и стихии. М.: Intrada, 2013. С. 55–67.
18. (a) Ханинова Р.М. Баллада в калмыцкой поэзии XX века (Ц. Леджинов, С. Байдыев) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 264–277.
19. (a) Ханинова Р.М. Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 194–206.
20. (b) Ханинова Р.М. Калмыцкая баллада XX века: психологический аспект // Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре. Волгоград: Фортекс, 2019. С. 227–237.

21. (b) Ханинова Р.М. Осмысление дороги в аспекте диспозиции «свой» и «чужой» (на материале калмыцкой политической баллады XX века) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 332–344.
22. (c) Ханинова Р.М. Поэтика баллады в калмыцкой поэзии XX в. (Д. Кугультинов, М. Хонинов) // Oriental Studies. 2019. № 2. С. 320–333.
23. Ханинова Р.М. Поэтика вещи в русской прозе XX века. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2014.
24. Хонинов М. О птице, раненной в бою // Хонинов М.В. Подкова: стихи и поэма / пер. с калм. М., 1977. С. 100–104.
25. Хонинов М. Степная баллада // Хонинов М.В. Все начинается с дороги: стихи и поэма / пер. с калм. М.: Современник, 1972. С. 26–30.
26. Хоньна М. Эм залһсн шовум дуулна // Хоньна М. Теегин шовун тоһрун: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1976. X. 23–27.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Basangova T.G. Zhuravl' v fol'klornoy traditsii kalmykov [The Crane in the Folklore Tradition of the Kalmyks]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no. 2, pp. 212–217. (In Russian).
2. (a) Khaninova R.M. Ballada v kalmytskoy poezii 20 veka (Ts. Ledzhinov, S. Baydyev) [Ballad in Kalmyk Poetry of the Twentieth Century (Ts. Ledzhinov, S. Baydyev)]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2020, no. 3, pp. 264–277. (In Russian).
3. (a) Khaninova R.M. Ballada o voyne v kalmytskoy poezii 20 v. [The Ballad of the War in Kalmyk Poetry of the 20th Century]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2019, no. 1 (48), pp. 194–206. (In Russian).
4. (b) Khaninova R.M. Osmysleniye dorogi v aspekte dispozitsii "svoy" i "chuzhoy" (na materiale kalmytskoy politicheskoy ballady 20 veka) [Understanding the Road in the Aspect Disposition «Own» and «Alien» (in the Kalmyk Political Ballads of the 20th Century)]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2020, no. 4, pp. 332–344. (In Russian).
5. (c) Khaninova R.M. Poetika ballady v kalmytskoy poezii 20 v. (D. Kugul'tinov, M. Khoninov) [Poetics of Ballads in Kalmyk Poetry of the 20th Century (D. Kugul'tinov, M. Khoninov)]. *Oriental Studies*, 2019, no. 2, pp. 320–333. (In Russian).
6. Monrayev M.U. O krikakh i zvukakh, izdavayemykh zhivotnymi i ptitsami v kalmytskom yazyke [About the Cries and Sounds Made by Animals and Birds in the Kalmyk Language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 10, part 2, pp. 112–115. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. (b) Khaninova R.M. *Kalmytskaya ballada 20 veka: psikhologicheskiy aspekt* [Kalmyk Ballad of the Twentieth Century: A Psychological Aspect]. *Ratsional'noye i irratsional'noye v literature i fol'klоре* [Rational and Irrational in Literature and Folk-

lore]. Volgograd, Fortess Publ., 2019, pp. 227–237. (In Russian).

8. Leont'yeva A.Yu. Osobennosti felinisticheskoy obraznosti G.V. Ivanova: mezhdunarodnaya animalisticheskaya i bestiariyem [Features Feministically Imagery, between the Animals and the Bestiary]. Gulyaev G.Yu. (ed.). *Innovatsionnyye nauchnyye issledovaniya: mirovyye opyt i natsional'nyye priority* [Innovative Scientific Research: World Experience and National Priorities]. Penza, Nauka i prosveshcheniye Publ., 2020, pp. 175–191. (In Russian).

9. Magomedova D.M. Ballada [Ballad]. Tamarchenko N.D. (ed.). *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A Dictionary of Actual Terms and Concepts]. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008, pp. 26–27. (In Russian).

10. Sid I. Totem v sovremennoy russkoy literature. Zoopoetika tekstov, zoosofiya soobshchestv (postanovka problemy) [Totem in Modern Russian Literature. Zoopoetics of Texts, Zoosophy of Communities (Formulation of the Problem)]. *Bestiariy i stikhii* [Bestiary and Elements]. Moscow, Intrada Publ., 2013, pp. 55–67. (In Russian).

(Monographs)

11. Basangova (Bordzhanova) T.G. *Zhivotnyye v kalmytskom fol'klore* [Animals in the Kalmyk Folklore]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2019. (In Russian, In Kalmyk).

12. Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbolism of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. (In Russian).

13. Khaninova R.M. *Poetika veshchi v russkoy proze 20 veka* [Poetics of Things in Russian Prose of the Twentieth Century]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2014. (In Russian).

14. Kostyukhin E.A. *Tipy i formy zhivotnogo eposa* [Types and forms of the animal epic]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1987. (In Russian).

15. Mandzhikova B.B. *Kalmytsko-russkiy terminologicheskiy slovar' (flora i fauna)* [Kalmyk-Russian Terminological Dictionary (Flora and Fauna)]. Elista, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the RAS Publ., 2007. (In Kalmyk and Russian).

16. Pyurbeyev G.Ts. *Epos "Dzhangar": kul'tura i yazyk* [Epic "Dzhangar": Culture and Language]. 2nd ed., reprint. Elista, Dzhangar Publ., 2015. (In Kalmyk and Russian).

Ханинова Римма Михайловна, Калмыцкий научный центр РАН.

Кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы. Научные интересы: поэтика, русская литература, калмыцкая литература и фольклор, калмыцкая поэзия, перевод.

E-mail: khaninova@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-0478-8099

Rimma M. Khaninova, Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Research Associate, Department of Folklore and Literature. Research interests: poetics, Russian literature, Kalmyk literature and folklore, Kalmyk poetry, translation.

E-mail: khaninova@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-0478-8099

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Surveys and Reviews

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00030

Е.И. Орлова (Москва)

НЕРАЗГАДАНЫЙ ГОГОЛЬ

Рецензия на книгу: Манн Ю.В. Н.В. Гоголь

Тайны биографии и тайны творчества. М.: РГГУ, 2019. 143 с.

Аннотация. В статье рецензируется новая книга доктора филологических наук, профессора РГГУ Ю.В. Манна, одного из авторитетнейших в мире исследователей русской литературы и особенно Гоголя. Однако для автора Гоголь остается одним из самых загадочных писателей. Такова, по мнению ученого, и репутация Гоголя в читающем мире. Его «Мертвые души» и «Нос» входят в число книг (1001 произведение), которые, по мнению современного британского исследователя, следует прочитать раньше, чем умереть, – а вместе с тем современники – соотечественники Гоголя считали его творчество понятным только для России. В этом, показывает Манн, один из парадоксов, или загадок Гоголя. Сегодня же он рассматривается Манном в мировом контексте литературоведения, прозы и философии – так можно обозначить внутренний сюжет рецензируемой книги. Соединяя историко-функциональный подход с анализом поэтики, автор показывает, как происходило восприятие гоголевского творчества в России и в мире. Здесь же намечаются и новые возможности интерпретаций произведений Гоголя. Исследуя историю вхождения Гоголя в мировую литературу, Манн касается как переводов его произведений на европейские языки, начиная с первых, так и постановок (вплоть до современных). Таким образом, выстраивается картина рецепции гоголевского художественного мира европейскими читателями / зрителями / исследователями. В западном литературоведении Гоголь, с одной стороны, занимает положение рядом с Сервантесом, а с другой – делается родоначальником литературы абсурда. Главные же тайны Гоголя, его творчества и жизни, – это второй том «Мертвых душ» и «Прощальная повесть». Автор считает, что «истоки трагедии – в эволюции Гоголя, писательской, творческой, духовной; в характере замысла «Мертвых душ» как итоговой, главной книги; в особенностях созданной ею ситуации, личной и общественной». С одной стороны – мессианские ощущения творца, которому властью свыше дано было явить миру некую открывшуюся ему истину. С другой – намеренное подключение автором читателя к своему миру, что противоречило самому складу личности Гоголя и привело к трагическому финалу.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; Ю.В. Манн; биография; творчество; историко-функциональный подход; поэтика.